

Алиса Вишня

Фаворитка

Империя
книга первая

Алиса Вишня
Империя. Фаворитка

«Автор»

2023

Вишня А.

Империя. Фаворитка / А. Вишня — «Автор», 2023

Попав в средневековый мир, пытаюсь выжить среди дворцовых интриг и заговоров и не лишится головы. А это непросто, учитывая, что между мной и императором - взаимная ненависть. Впрочем, я и сама еще та интриганка. Посмотрим, кто кого!

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алиса Вишня

Империя. Фаворитка

Пролог

В багряно голубом небе кружили два дракона, черный и серебристый. Кружили не просто так – они бились, выпуская друг в друга огонь, скрежеща по бронированным бокам противника своими ужасающими когтями, кусались, толкались и пихались. И при этом, естественно, изо всех сил махали огромными кожистыми крыльями, дабы не сверзится на землю.

Черный побеждал, тесня противника к границе острых шпилей горного хребта, на что, с печалью и досадой смотрела девушка, лежащая у подножья горной гряды, и придавленная куском скалы, из – за чего не могла ни встать, ни пошевелиться. Девушка была огромного роста, и богатырского сложения – мужеподобная, по правде говоря – и одета в доспехи серебряного цвета.

Мимо нее пробежали несколько лучников, тоже в серебристых одеждах.

– Эй! – крикнула девушка – Помогите мне!

Но убегающие соплеменники не обратили на нее внимания, спеша покинуть поле битвы.

– Козлы! – мрачно буркнула девушка, и горестно поморщилась – черный дракон ударил серебряного, и тот, кувыркаясь, полетел вниз, на острые пики скал.

Сражение двух армий завершилось победой черных.

Неожиданно, скала, которой была придавлена девушка сдвинулась, и перед великаншей возникла протянутая рука, в черной перчатке. Девушка помедлила – вступать в дружественный контакт с противником запрещено.

– Как хочешь! – усмехнулся ее спаситель, и собрался уже вернуть камень на место, но девушка подумала, что битва закончена, а ей лежать еще долго, если никто не поможет, и уцепившись за протянутую руку, с трудом поднялась – досталось ей знатно, и движения причиняли боль.

Встав, девушка взглянула в лицо юноше. Он был невысок (эльф, наверно, они мелкие), очень молод и очень красив, этакий белокурый ангел. Ангел улыбался, но улыбка его...

Блондин, что есть силы, ударил богатыршу под дых, она впечаталась спиной в скалу, которой была, до этого, придавлена, и стала судорожно хватать ртом воздух, задыхаясь, а парень дернул ее к себе, и ударил еще... и еще... веселясь и хихикая.

Я рванулась вперед, и ремни, удерживающие в кресле, натянулись и сдавили грудь, затруднив и без того сбившееся дыхание, и я, задыхаясь и кашляя, принялась судорожно от них избавлять.

– Кто? – хрипло крикнула я – Какая тварь меня избил?

Вскочила и продолжила орать:

– Кто, я спрашиваю, был вражеским эльфом?

Но игроки молчали, искоса на меня поглядывая, или вообще не обращая внимания, и занимаясь своими делами – отстегивая ремни, разминая затекшие тела, поправляя измятую одежду и растрепанные прически.

Конечно, в таком недостойном поведении никто не признается... А узнать бывшего эльфа невозможно – в реальности геймеры выглядели не так, как в игре. И я уже не была мужеподобной – в жизни я симпатичная блондинка (крашенная) тридцати семи лет.

Но, узнать, кто нарушал правила, я могла. Только я обладала этой привилегией, из всех находящихся в игровой. И отправилась к лифту, что бы подняться на сотый этаж, куда простым смертным вход был запрещен – но, не мне.

Однако, войдя в приемную босса, я столкнулась с препятствием, в виде секретарши.

– Максим Георгиевич занят, к нему нельзя! – прогундосила она.

– Мне нельзя? – взъярилась я.

– И вам! – так же противно улыбнулась секретарша.

Я открыла рот, собираясь рявкнуть, и показать противной девке, где зимуют крокодилы, но тут из кабинета Максима выплыла юная длинноногая девица в красном, и томно улыбнувшись секретарше, выпорхнула из приемной. И я рот закрыла. Мы с Максом расстались месяц назад, и значит, я уже не имею на него прав, которые перешли девице в красном, видимо, его новой пассии.

– Можете зайти! – вякнула секретарша, и я шагнула в кабинет бывшего.

Максим Скворцов, практически единоличный собственник "Империи игр", был немолод, но все еще красив. Но меня, когда-то, привлекла не его внешность, а талант и гениальность – для испытателей он был богом, да и кем же еще мог быть создатель миров, пусть и игровых, ненастоящих? Девице же в красном, наверное, нравились его деньги – Скворцов стал, за последние годы, очень состоятельным.

– Привет! Ты что-то хотела? – спросил бывший, думая, судя по рассеянной, улыбке, вовсе не обо мне.

– Меня сегодня избили после окончания битвы! – воскликнула я – Нужно найти нарушителя, и уволить!

– Избили? – удивился Макс – Как ты могла позволить? Ты же была Гераклой!

– А ты не видел? – в свою очередь, удивилась я. Макс всегда следил за испытаниями, но главное, он, обычно, наблюдал за мной.

– Не смотрел, был занят! – ответил Максим, и я вспомнила девицу, выходящую из кабинета.

Он уставился на меня – будто оценивал, а я приготовилась к объяснению – про упавшую на моего перса скалу.

Макс продолжил:

– Ты так давно здесь работаешь! Лет десять?

– Намекаешь на мой возраст? – возмутилась я – Как низко! Да, мне уже тридцать! Но, хочу напомнить...

– Да-да! – перебил Макс – Лучшие годы ты отдала мне...

Последнее, перед расставанием, время, все наши разговоры заканчивались скандалами.

– Я не об этом! – продолжил Макс, на удивление спокойно.

– Или хочешь от меня избавиться? – воскликнула я – На пенсию выпроводить?

– Успокойся! – поморщился Максим, взял со стола пульт и включил монитор компьютера, занимающий, почти полностью, одну из стен кабинета.

На экране, с высоты птичьего полета, проплывала средневековая страна – с замками, городами с узкими улочками, дозорными башнями, и дворцом, прекрасным, светлым и сияющим.

– Империя! – прошептала я, забыв и ссоре, и о происшествии со скалой.

Это была особая игра, не такая, как все прочие. И Максим создавал ее уже многие годы.

– Она готова! – с гордостью произнес создатель – И я предлагаю протестировать "Империю" тебе! Имея богатый игровой опыт, ты справишься с испытаниями!

Я ахнула и села на стул – от волнения не могла стоять. Империя была не только детищем Максима – она была моей мечтой.

Глава первая

Молодая хорошенькая девушка, в бордовом платье, стояла на балконе, и глазами, полными горечи и слез, смотрела на служанку.

– Мне очень жаль, миледи... – сочувственно произнесла та.

– Из-за меня, да? – спросила дрожащим голосом девушка – Он так не хочет меня видеть?

– Нет, что вы! – произнесла служанка и вскрикнула, бросившись к миледи – Госпожа!...

...Серая трава и кучка цветов качнулись навстречу, но я успела за что-то ухватиться, удержалась и не упала.

– Госпожа! – пискнул испуганный женский голос. Я судорожно вздохнула и осмотрелась.

То, за что я держалась, было перилами балкона, возвышавшегося над убогим садиком с несколькими чахлыми деревцами и куртинками цветов. А рядом со мной топталась молоденькая простоватая девушка в сером платье, поддерживающая меня за локоть.

"Тьфу! – подумала я – Хорошенькое прибытие – чуть не убила, свалившись с балкона!"

Еще, меня одолевал страшный зуд, в тех местах, которые соприкасались с одеждой – платьем мерзкого свекольного цвета. Мне показалось, что по телу ползают тысячи насекомых. "Блохи!" – с ужасом подумала я, взвизгнула и принялась отряхивать платье. Ибо в средние века, куда я попала, блохи вполне могли быть.

– Госпожа! – с беспокойством повторила девушка в сером – Пойдемте в комнату! "Если девица называет меня госпожой, значит, она служанка!" – подумала я, и велела – Помоги снять платье! Скорее, чего стоишь!

– Миледи... – испуганно тарашась на хозяйку, произнесла девушка – Мы на балконе!

– Ах, ну да! Не раздеваться же на улице!

Так то, мне было все равно, но шокировать служанку странным поведением не хотелось, и опершись на ее руку, я шагнула в комнату, где, сразу же, с помощью девицы в сером, содрала с себя свекольное платье, под которым оказалась тонкая шелковая рубашка, которую мы тоже сняли.

– Дай мне, что-нибудь другое! – велела я – Только без блох!

– Каких блох? – изумилась служанка.

– Таких, которые по мне ползали, и кусались!

– Ой! – воскликнула девица – Это шерсть колется! Платье шерстяное! Но, раньше это вас не беспокоило.

– Шерсть? – повторила я, разглядывая и щупая платье. Действительно, оно было шерстяным и колючим.

Служанка открыла большой шкаф, достала оттуда такую же тонкую рубашку, помогла одеть, и принялась перебирать висящие там платья.

– Вот это! – ткнула я пальцем в один из нарядов, персиковое шелковое платье, чем привела служанку в некоторое замешательство.

– Это... – пробормотала она.

– Что еще не так? – спросила я.

Служанка не успела ответить, так как в комнату вошла девушка, то же, как я поняла, в шерстяном наряде, только болотного цвета. Девица всплеснула руками и воскликнула:

– Эль! Почему ты еще не одета! – и строго добавила, смотря на служанку – Энни, в чем дело?

Служанка не отвечала, опустив голову.

– Я переодеваюсь! – ответила я, гадая, кто эта девица – Шерстяное платье на тонкую сорочку – это пытка!

– Сейчас-сейчас, мы быстро, миледи! – ответила Энни болотной, и схватила наряд, на который я показывала.

– Это платье? – изумилась девица-миледи, посмотрела на меня возмущенно, покачала головой и вышла, громко хлопнув дверью.

– Что не так с этим нарядом? – повторила я вопрос.

– Это подарок любовницы вашего отца! – ответила служанка – Вы забыли? А это, — девушка показала на шерстяное – подарила ваша матушка! Будет очень некрасиво, пренебречь ее нарядом, и одеть платье леди Гвен!

Я хмыкнула, однако решение не поменяла, и служанка помогла мне облачиться.

– "Значит, служанку зовут Энни, а меня Эль! Хорошо, что я попала в тело девицы из знатной семьи!" – подумала я, и посмотрелась в большое зеркало, висящее на стене.

Эль оказалась стройной блондинкой лет восемнадцати, не красавицей, но милой и очаровательной, со вздернутым носиком, пухлыми губками и лисьими глазками – своим новым обликом я осталась довольна.

– Миледи! – воскликнула Энни – Давайте поторопимся, Бога ради! Заставлять ждать Астахана недопустимо! А без вас за стол не садятся!

– Хана? – переспросила я, и направилась к выходу – восточный правитель меня заинтересовал.

Однако, выйдя из комнаты, я остановилась – не знала, куда идти – и изобразив, что все еще кружится голова, уцепилась за служанку. Мы прошли по коридору, и остановились у деревянной лестницы с резными перилами, ведущий на первый этаж, такой узкой, что спускаться по ней вдвоем не представлялось возможным.

Я отпустила служанку и шагнула на ступеньки.

Взору предстал вид первого этажа – просторного темного зала, с длинным широким столом, возле которого стояли люди, в том числе болотная миледи, и сидел мужчина, лет двадцати пяти, то ли в сером вязаном свитере, то ли в металлической кольчуге – не поняла – плотно обтягивающей широкие плечи и рельефные мышцы. У него были длинные черные волосы и темные глаза, с которыми я встретилась взглядом, и эти глаза, горящие, опасные, и притягательные, так поразили, что я споткнулась, пошатнулась, и свалилась с лестницы, с таким грохотом, словно и не хрупкая леди, а лошадь, или скорее, корова.

Энни завопила, к ее голосу присоединились перепуганные женские голоса, а возле моих глаз замельтешили ноги – женские, в туфлях, и мужские, в кожаных сапогах.

Конечно, я ушиблась, хотя не сильно – падать испытатели умеют – но встать не собиралась, и притворилась, что в обмороке, сгорая от стыда, особенно перед Астаханом. Черно-волосый мужчина был им – я знала, как выглядят правители Империи и соседних государств. Я взглянула – из под ресниц – на то, что творится вокруг.

– Боже! – причитала невысокая худая женщина – Эль, доченька!

– "Это, значит, матушка. Притворщица! – подумалось мне – Будто переживает! А сама дочке шерстяное платье подарила, что бы мучилась!"

У моего лица возникли ноги, обутые во что-то меховое, похожее на унты, я чуть шире открыла глаза, и – о кошмар! – опять поймала опасный взгляд, и сразу же стиснула веки, но, перед этим, заметила усмешку на губах хана – он понял, что я притворяюсь. Более того, Астахан мне подмигнул.

Сильные руки подняли меня, и мужчина понес по лестнице вверх. Я почувствовала щекой холод металла – значит, кольчуга – а глаза так и не открыла.

– Ваше Высочество! – бормотала матушка, спеша следом за ханом.

– Где ее комната? – спросил Аста приятным мягким голосом. Ему, видимо, показали, и через какое-то время хан опустил меня на кровать.

– Ваше Высочество! – повторила матушка, более твердым тоном – Вы не можете находиться в комнате девушки!

– Разумеется! – ответил баритон – Приношу извинения, не хотел поставить миледи в неловкое положение!

– Энни, побудь с госпожой, я сейчас вернусь! – сказала матушка – Пошлю за доктором!

Голоса удалились, все, кроме Энни вышли, я еще немного полежала и открыла глаза, чем необычайно обрадовала служанку, всхлипывающую у кровати, и кинувшуюся было сообщать, что миледи очнулась, но я ее остановила:

– Скажи, что у меня все хорошо, и что бы не беспокоили – хочу отдохнуть!

– Как угодно, миледи! – ответила служанка и убежала.

Подумав, я решила, что Эль и хана что-то связывает, иначе как объяснить его бесцеремонность и подмигивание.

Затем я выбросила правителя Богундского ханства из головы и осмотрелась – во всей этой суматохе не было времени изучить окружающую обстановку.

Комната была небольшой и уютной, несмотря на некоторую мрачность – видимо, хозяйка покоев стремилась их приукрасить и придать какую-то милоту – каменные стены, освещаемые несколькими узкими окнами (свет падал и из открытой балконной двери) были увешаны гобеленами и картинами, а на довольно изящных столиках стояли вазы с цветами и разные безделушки, лежали вышивки, законченные и начатые, и книги, преимущественно, судя по обложкам, любовные романы, что меня обрадовало – значит женщинам не возбранялось читать и вообще, быть образованными.

"И, судя по общению служанки с госпожой, – подумала я – Эль и Энни — подружки."

Я почти неделю готовилась к погружению в Империю – изучала географию, историю, законы и уклад жизни, но многое извне было не понять, и мне предстояло это узнать самой.

Игра "Империя" была необычна тем что, создав этот мир, Максим от него отстранился – дальше мир развивался сам, без какого либо вмешательства создателя. Люди рождались, жили долгую или короткую – как повезет – жизнь, рожали детей, старели и умирали.

Поэтому, Макс и занимался Империей несколько лет. Он создал мир, заселил его первобытными людьми, которые развили свое общество до феодализма, и на это ушли тысячи Имперских лет, которые в реальном времени, во времени Максима, соответствовали нескольким годам.

Что бы жить в этой мире, и играть в "Империю", геймеры должны, как и во всех играх такого типа, вселиться в персонажа, и жить его жизнью, управляя им по своему разумению. Но, возможности выбора героя здесь не было – в кого попадешь заранее неизвестно.

Мне повезло, что не вселилась в раба, ребенка или старика.

Нужно было продержаться в игре три года, что соответствовало трем часам в реальном времени. Если перс погибнет – нестрашно, игрок сразу очнется в своем теле, но, нежелательно – больше в Империю меня могут и не отправить. А мне очень хотелось пожить в мире прекрасных принцесс и доблестных рыцарей, и поучаствовать в прогрессе цивилизации.

Когда Энни вернулась в покои, я выразила озабоченность своей памятью, которая могла пострадать от сотрясения во время падения, и попросила служанку помочь понять, правильно ли я все помню, и кое-что уточнить.

– Так странно! – задумчиво произнесла я – Правитель соседнего, огромного государства, запросто гостит у нас! Что хан делал в нашем доме?

– Ваш батюшка, граф Энистон, Астахану родня! Это сейчас он Аста, а раньше был принцем нашей Ассинской империи, Александром. Он внук императора! Может, просто так, по родственному заглянул, и по соседски – здесь же граница. К тому же, ваш батюшка был воспитателем Алесандра, до войны, когда принц еще жил во дворце.

– Родственники? – переспросила я.

– Вы и императору родня! – заметила служанка.

– Вот как? Значит, наша семья богата?

– Нет! – помолчав печально сказала Энни – Во время войны ваши земли были опустошены, а поместье разрушено. Единственный доход семьи то, что господин граф получает за службу на границе. И даже этот замок, где мы живем императорский, военная крепость, где расположен гарнизон, которым ваш батюшка и управляет. Вы же помните это, миледи?

– Помню! – задумчиво произнесла я.

Еще выяснилось, что девица в болотном платье моя старшая сестра Мина.

Глава вторая

Доктор был не нужен, но матушка графиня настояла. Осмотрев меня, он констатировал, что падение не причинило особого вреда, и остался на ужин. На этот раз, я спустилась на первый этаж без происшествий, и, усевшись за массивный стол, украдкой, рассматривала присутствующих.

Матушка, на мой взгляд, выглядела слишком печальной и болезненной, отец, граф Энистон, немолодой, с красивым профилем и седыми прядками в темных волосах, озабоченным, а сестрица была похожа на Эль, но простенькая, без очарования, присущего младшей сестре.

Из посторонних за ужином присутствовали доктор, и дама, которую называли "леди Гвен" – значит, любовница графа. Я подивилась таким странным отношениям – присутствию пассивности отца на семейном ужине, и приветливому равнодушию к ней его жены. Хотя... Наверное, матушка только притворялась равнодушной. Когда я спустилась, то поймала недовольный взгляд графини, брошенный на мое платье, а леди Гвен наряд порадовал, и она ласково мне улыбнулась.

Леди Гвен была красива, умна, изящна, и одета в наряд кремового цвета, по фасону – один в один платье, подаренное ей Эль.

На ужин подали – о, ужас! – жирное жареное мясо, даже без гарнира, которое я есть не могла, просто вяло ковыряла его вилок. "Средневековье!" – мрачно подумала я, и наострила ушки – разговоры за столом могли дать много информации. Вначале обсудили погоду, виды на урожай – не у них, а в южных, почти не пострадавших в войне землях, посплетничали о соседях, чьи поместья, как я поняла, были расположены на приличных от замка расстояниях – затем леди Гвен и граф Энистон предались воспоминаниям о былой службе при дворе, обсудили императора, императрицу, и наследного принца Эдвина – в основном, его личную жизнь, о которой ходили разные слухи. О визите хана не упоминалось, из чего я сделала вывод – визит Асты в замок не афишировался.

После ужина все остались в темном зале, именуемом ими "гостиной", и продолжили сплетничать, а я отыскала кухню, и велела дать ей другой еды, а не жареного мяса, и повараха, сокрушаясь и охая, наложила каши, предназначенный для солдат гарнизона, которую я и съела, прямо в кухне, не желая ждать, пока еду принесут в мою комнату.

Фруктов, или сыра, или хотя бы овощей, кроме картошки и лука, в замке не было.

Возвращаясь к себе, я задержалась у двери, за которой, как я уже знала, был кабинет графа, и раздавались голоса – его и графини.

– Как жаль, что на этот раз, Наследный Принц не смог прибыть! – грустно говорила матушка – Аста приехал в надежде, что отец с ним встретится... Они так давно не виделись!

– Всего год! – ответил граф – Не так много времени прошло! Несомненно, на этот раз Эдвину, что то, помешало. Или кто-то. Не забывайте, эти randevu тайные.

– Меня беспокоит другое! – произнесла матушка – Как бы у нас неприятностей не было, за посредничество. Императрица не простит, если узнает!

– А как этого избежать? – спросил отец – Я не могу отказать принцу!

– Думаю, можете, граф! – произнесла графиня – На то есть дипломаты. И вообще, если бы не близость этой... леди Гвен ко двору, Астахан не обращался бы к вам с такими просьбами!

– Попрошу вас, миледи! – повысил голос граф, и я сочла нужным отойти от двери – слушать семейные разборки не хотелось.

И решила прогуляться – изучить местность, куда, волею игровой судьбы, меня забросило. Вышла из замка на длинный, ровный и пустой двор – предполагаю, служащий плацем для тренировок и марширования солдат гарнизона – окруженный мощной стеной, по которой ходил часовой. Небольшая часть двора представляла собой тот самый чахлый садик, кото-

рый я видела с балкона. Сам же замок был типичным образцом готического стиля – высокий, мрачный, с узкими окнами —бойницами. А вокруг него теснились какие-то постройки, тоже каменные.

Я прошла мимо низкого длинного здания, видимо, казармы, и вышла за ворота, возле которых тоже стоял часовой, никак не отреагировавший на мое появление.

Взору предстал весьма унылый пейзаж – во все стороны простилась степь, покрытая пыльной сероватой травой, по которой, от ворот, вилась неширокая желто-песчаная дорога. И только вдалеке, у самого горизонта, виднелся лесок, а возле него – очертания какого-то здания.

Вернувшись к себе, я принялась думать, как покинуть замок, попасть в столицу, и, главное, в императорский дворец – именно дворец я решила сделать местом своего пребывания в Игре. Там, при дворе, кипела жизнь и вершились судьбы мира, а не в этом унылом приграничном замке.

Первое, что надо сделать – раздобыть деньги, имея которые можно добраться до столицы, и обосноваться там. Но, даже с деньгами, одна девушка, путешествующая без сопровождения, выглядела бы подозрительно. Да это и опасно – средневековье... Разбойники и другие неприятности.

Утром взбудораженная Энни влетела в комнату, когда я только проснулась, и затараторила:

– Миледи! Приезжает милорд Бренсон! Вот радость! Миледи Мина отправляется в город за новыми нарядами, и вы с ней! Вам тоже дозволено что-нибудь купить! Вставайте же, быстрее!

– Гости за гостями! – проворчала я – с утра я всегда не в настроении – Какая, однако, насыщенная светская жизнь в провинции! Кто этот Бренсон?

Энни, стоящая у моей постели, вытаращилась на меня.

– Вы не помните?

– Энни! Мы же договорились, проверить мою память. Вот и проверяем! Конечно я знаю, кто такой милорд, но хочу убедиться, что помню правильно.

– Ага! – кивнула Энни – Маршал Бренсон— жених вашей сестры, и хозяин ближайшего поместья!

Энни махнула рукой, показывая, где находится поместье, и я поняла, что это тот замок, который я видела вдалеке, прогуливаясь по желтой дороге.

– И почему его приезд такое событие? Сосед, да еще и жених, так редко у нас бывает?

– Миледи! – укоризненно сказала Энни – Хватит надо мной потешаться! Я не ударялась головой, и все помню! Милорд Бренсон служит при дворе! Он маршал Ассинской Империи! А в своем поместье бывает очень редко!

Я сочла нужным прекратить расспросы, но служба жениха сестры при дворе заинтересовала. В моей голове стал вырисовываться план. Когда, через какое то время, Энни принялась за мою прическу, я вздохнула и произнесла:

– Вот у Мины есть жених, а у меня...

И замолчала – в надежде получить больше информации, позволив Энни закончить фразу. Служанка это и сделала:

– Мина старшая, она должна первая выйти замуж. Хотя, – хихикнула Энни – вы милорду Бренсону всегда больше нравились...

Я похихикала вместе со служанкой, потому что обрадовалась – это обстоятельство делало мой план совсем простым и реальным.

– Вот, миледи Мина выйдет замуж, – продолжила Энни – уедет с милордом в столицу, тогда и вам начнут жениха подыскивать!

– В столицу... – задумчиво повторила я. Так долго ждать не хотелось.

Когда утренний туалет был завершен, я, вместе с Миной, отправились в кабинет отца, за деньгами на новые наряды.

Граф Энистон выглядел не столь озабоченным, как вчера, и даже скупно улыбался, довольный, видимо, приездом будущего зятя. Он написал на листке бумаге несколько слов, расписался, и поставил печать, которую достал из сейфа.

– Отдадите это письмо казначею, – сказал граф, протягивая бумагу мне (видимо, в вопросах финансов Эль была более разумна, чем Мина) – и получите необходимую сумму.

Он оглядел дочерей, улыбнулся чуть шире, и обнял нас, по очереди.

– Мои красавицы! – с гордостью и нежностью произнес он.

– Спасибо, папа! – воскликнула Мина, выглядящая взволнованной и обрадованной, и предстоящей встречей с женихом, и предстоящими покупками.

Как я уже поняла, покупка чего-либо, кроме продуктов, была в графской семье редкостью, из-за постоянной нехватки денег.

– Спасибо, отец! – повторила я за сестрой.

– Мина, мне нужно кое- что сказать ! – произнес граф, взял старшую дочь за локоть, и они вышли из кабинета.

Меня совершенно не обидела то, что у графа были секреты, видимо, связанные со свадьбой Миной, и не предназначенные для ушей Эль. Это мне на руку – осталась в кабинете одна.

У меня был один сомнительный талант, которым я, в обычной жизни, пользовалась для шуток и розыгрышей – умение копировать почерки, любые. И получалось это весьма похоже на оригинал. В игре я сочла допустимым использовать такие махинации, ведь обманывала я не человека, не своего отца, а всего лишь картинку, микросхему, поэтому мук совести не испытывала.

Я взяла несколько листов бумаги, тиснула на них печатью – благо граф еще не убрал ее обратно в сейф – и, взглянув на письмо Энистона, написала на каждом листке такую же сумму, и расписалась, как отец. Написание сопровождалось одним испорченным листом (кляксой), ведь я впервые писала пером, но уже вторую и последующие бумаги состряпала быстро, и без проблем. Затем, спрятав подделки в рукав, как ни в чем не бывало, вышла из кабинета, не дожидаясь возвращения отца.

Перед поездкой в город мы позавтракали, но я опять отказалась от "барской" еды, и снова поела на кухне солдатской каши.

Так я с голода помру! То, что готовят для господ есть невозможно, а питаться одной кашей – такое себе!

Глава третья

Я не раз бывала – в играх – в средневековых городах, поэтому Менос, куда мы с Миной отправились в карете, меня не удивил. Он находился в часе езды от замка, был окружен стеной, которая имела следы прошедшей войны – пестрела "заплатами", а ее верх казался покусанным. Сам Менос состоял из главной улицы, упирающейся в площадь, чуть большую, чем замковый плац, и нескольких отходящих от нее улочек. И главная улица, и боковые, были узкими, с тесно стоящими двухэтажными домами, первые этажи которых занимали лавки, кабаки и разные другие заведения. В городе тоже виднелись следы войны – дома были с каменными заплатами, а между ними, тут и там, зияли пустыри.

Мы вошли в полутемное, из-за малого количества узких окон, казначейства, аналога местного банка, и я вручила казначею письмо отца. Этот пожилой худой человек довольно долго изучал бумагу, сравнивая, с образцом подписи и печати графа, затем ушел в соседнее помещение, и вернулся, неся мешочек с монетами, который и отдал нам.

Вначале, мы отправились на рынок, где была весьма бойкая торговля, и купили там медовых лепешек, которые и съели, прячась от любопытных взглядов, за каким-то строением. Совместное поедание вкусностей нас сблизило, и я поняла, что Мина тоже страдает – от однообразной пищи, скуки и шерстяных платьев. Меня даже потревожила совесть – стало неловко из-за того, как я собиралась поступить с девушкой. Но, успокоила я себя, сестра вовсе мне и не сестра, и даже не подруга, а просто картинка, образ, придуманный Максом.

После лепешек руки стали жирными, и мы принялись бродить по улицам, ища, где бы их помыть. И встретили леди Гвен, которая шла, по каким-то делам. Она нам обрадовалась, и пригласила к себе. Мина колебалась, я сразу согласилась, и сестра сдалась – мы отправились в дом отцовской любовницы.

Дом леди Гвен стоял на тихой улочке, и не был ни большим, ни роскошным, но имел сад, цветущий и ухоженный, а внутреннее его убранство отличалось уютом и изяществом.

Приведя себя в порядок, мы уселись пить чай, и я поразились угощениям, нам поданным – на столе появились и фрукты, и сладости, и даже пирожные.

К великому сожалению, мне пришлось отказаться от этих яств, так как было важное дело, и заняться им я могла, пока Мина занята, и не ходит за мной, как хвостик. Я сообщила, что забыла в казначействе перчатки, и, хотя леди Гвен предложила отправить за ними служанку, пошла в банк сама. Там я вручила казначею поддельные письма, и приготовилась к худшему – вдруг старик различит подделку, или его насторожит количество писем – но нет, все прошло гладко. Казначей изучил бумаги, и выдал несколько мешочков с монетами.

Затем я вернулась в дом леди Гвен, и мы, все вместе, отправились за покупками, посетив галантерейные лавки города, а затем побывали у лучших портных. И я поняла, почему мать подарила дочерям шерстяные платья – такие наряды были очень дорогими, и считались показателем достатка, и только состоятельные дамы могли их себе позволить. В общем, в империи была такая мода... Однако, любовница графа Энистона ее не придерживалась – она предпочитала шелк. И мы с Миной тоже не стали следовать моде.

Пока с сестры снимали мерки, я, ожидая своей очереди, разговорилась с леди. Мне хотелось расспросить о столице, и о дворе – о нравах и обычаях, царящих там.

– Ты хочешь побывать во дворце? – спросила Гвен.

Я поколебалась, и решила сказать правду: хотелось бы получить должность при дворе, фрейлинскую, или какие там еще бывают.

– Вот как... – произнесла Гвен – А что говорят родители?

– Я не рассказывала им о своей мечте, но знаю из разговоров, что моя обязанность выйти удачно замуж, а дворец – уж как повезет. Может, муж окажется придворным, как у Мины. Но, я не хочу замуж абы за кого, да и женихов в нашей глуши не водится. Никаких!

Леди Гвен рассмеялась, и пообещала :

– Я дам тебе рекомендательное письмо для императрицы Франчески. Мы с ней были дружны, поддерживаем отношения и сейчас. Может, тебе повезет с мужем, или родители отпустят в столицу. Служить при дворе почетно, как мужчинам, так и женщинам. И платят хорошо, что немаловажно.

– Не понимаю! – произнесла я – Вы жили в столице, блистали при дворе, и все бросили. Почему?

– Любовь! – улыбнувшись, коротко бросила Гвен.

"Надо же! – подумала я – Она все бросила из-за графа Энистона, и отправилась за ним на границу. Как романтично! И глупо!"

После покупок и примерок мыс Миной, усталые, но довольные, вернулись домой.

Вечером грянул скандал – старый казначей прислал графу отчет о выданных средствах, граф изумился, съездил в город, и обнаружил поддельные письма. Энистон вернулся не один, а вместе с леди Гвен, и, кипя от злости, вызвал дочерей в кабинет, и потребовал объяснений. Я сочла за лучшее заплакать, Мина же, сказала, что ничего не знала о подделках, и, поганка такая, вместе с отцом, принялась меня отчитывать. Деньги я не вернула, соврав, что часть извела, а часть потеряла. Я решила – даже под страхом смерти не отдавать награбленное, уже надежно припрятанное. Меня отправили в комнату, и запретили покидать покои. Но, чуть позже, пришла леди Гвен, и, без предисловий и нравоучений, отдала обещанную рекомендацию для императрицы.

– Не расстраивайся! – сказала она – Граф не умеет долго злиться. Завтра – послезавтра тебя простят. Желаю удачи при дворе! Такие девушки нужны императрице.

– Какие такие? – спросила я – Которые обкрадывают родителей?

Я понимала, что гордится нечем.

– Будет лучше, если ты уедешь! – произнесла, без улыбки, Гвен, и ушла.

На письме стояла печать леди Гвен, ломать ее я не решилась, и гадала – что же в нем написала любовница отца?

Следующее утро началось уже привычно – с новостей о гостях, принесенных Энни. Вот-вот должен прибыть жених Мины – часовой на стене уже увидел его на дороге – и семейство графа, все, кроме наказанной меня, отправились к воротам замка, дабы торжественно встретить маршала империи.

– Какая жалость! – причитала Энни— Вы с милордом и не увидите!

Я же сочла свое заточение очень удачным для первого этапа плана побега из замка, и, в одной сорочке, выскочила на балкон. И вовремя – всадник, молодой человек лет двадцати пяти – тридцати, с длинными светлыми волосами, и в плаще, накинутом на могучие плечи, въезжал в ворота замка. Он остановился, собираясь слезть с коня, что бы обменяться приветствиями с графом и его семьей, но замер, уставившись на балкон, где стояла я, и махала ему.

Резвый ветерок прижимал тонкую сорочку к моему телу, полупрозрачная ткань почти не скрывала его изящных изгибов, а в глубоком декольте виднелись соблазнительная грудь...

Глава четвертая

Милорд Бренсон отмер, слез с коня, не сразу вспомнив о приветствиях, да и поклоны встречающих получились скомканные и кривоватые, и вошел в замок, а я вернулась в комнату.

В мои покои, буквально влетела, Мина, с перекошенным от злости лицом, и, не тратя слов, попыталась вцепиться мне в волосы, но я перехватила инициативу, и мы принялись драться, толкаться и хватать друг - друга за кудри, причем я, конечно побеждала – умела постоять за себя.

Мина прервала свое молчание визгом и отборными ругательствами, которые, вероятно, слышала от солдат, чем меня поразила, и заставила несколько отступить – очень уж не вязались перлы, вылетающие из уст юной леди, с изящным и скромным образом, который она демонстрировала все эти дни. Мина перешла в наступление, которое я отбила, повалив сестру на кровать.

Энни попыталась нас разнять, но получив – случайно – по оплеухе с обеих сторон, ретировалась.

Битва "при постели" прервалась появлением матушки, которая тоже поразила своим преображением – она выглядела величественно и грозно, словно древняя королева этого мира, правительница- воительница Биринда, о подвигах которой я уже успела прочитать в одной из книг, найденных в покоях.

– Миледи!– стальным голосом произнесла графиня – Немедленно прекратите!

И мы замерли.

– Что вы себе позволяете! – продолжила матушка – Ведете себя, хуже кухарок! Вы забыли, из какой вы семьи? Вы забыли, что в вас течет императорская кровь? Или вы думаете, что если вас никто не видит, можно делать такие постыдные вещи?

Мы виновато опустили головы.

Матушка прогнала Мину, отправив в ее покои, и села на кровать рядом со мной.

Я приготовилась стоически перетерпеть нотации, но графиня спросила :

–Эль, что с тобой? Что за странные поступки?

Я молчала, матушка тоже. Затем она вздохнула, и обняла меня. Но, я быстро освободилась от объятий, и даже, довольно грубо, оттолкнула графиню.

Матушка замерла, затем слегка отдвинулась, и горестно произнесла:

– Чем я тебя обидела?

Я продолжала молчать. Графиня встала и сказала дрожащим от сдерживаемых слез голосом:

– Спускайся к ужину!

Леди Энистон ушла, а я осталась сидеть и злиться. На матушку, хотя та ни в чем не виновата, и на себя.

Моя настоящая мать – строгая, суровая и продвинутая бизнесвумен, и обниматься в нашей семье не принято. Такое вторжение в личное пространство считается неприличным.

"Неужели нельзя было потерпеть, и не обижать графиню, которая считает меня дочерью?" – ругала я себя .

В тот самый миг, в миг объятий, так непривычных для меня, я почувствовала легкость, с которой бегут по жизни дети, почувствовала себя маленькой девочкой, любимой и защищенной, которой не надо принимать решения и заморачиваться проблемами – все сделает мама, а мне остается жить и радоваться. И эти ощущения детства, совершенно забытые, возникли из памяти, вытеснив все прочее и заполнив душу. И напугали, потому что нахлынули неожиданно. Поэтому я и оттолкнула графиню – от неожиданности и неловкости. Теперь мне было жалко матушку, и хотелось, что бы она опять обняла, хотелось вернуть то состояние защищен-

ности, и вновь почувствовать мамину любовь, но вряд ли графиня, в ближайшее время, повторит попытку.

Я вздохнула – нужно тестировать "Империю", я скоро покину замок, и никогда больше не увижу эту женщину, которую, в тот самый крошечный миг, приняла за маму. Поэтому, решила я, к черту сантименты – работаем!

Я спустилась на первый этаж, уселась на свое место, за стол, и принялась, украдкой, рассматривать жениха сестры.

Бренсон был красив. Черты его лица правильные, как у древнегреческих статуй, глаза голубые, волосы длинные – как у всех мужчин этого мира – и светлыми. Он был высок, фигура мощная, но гармоничная, с широкими плечами. По стати и выправке— типичный военный, но кожа слишком светлая для солдата, проводящего жизнь в походах и битвах, а руки белыми и ухоженными. Оно и понятно: Бренсон— маршал, и его работа командовать армией, сидя в кабинете. Но насколько я знала, милорд не делал и этого – за империю воевала огромная армия Богундского ханства. Значит, Бренсон просто болтался при дворе, развлекаясь охотой и интригами, как большинство других придворных, при всех королевских дворах всех времен и народов.

Я, смущенно и кокетливо, смотрела на него, сквозь ресницы, а маршал, которого Мина называла просто Раулем, тоже украдкой, бросал на сестру невесты ответные, страстные взгляды. Остальные участники трапезы наших гляделок не замечали, делали вид, что ничего странного и непристойного утром не произошло, и обсуждали то же, что и всегда – урожай на юге, военные походы богундцев на востоке, и дворцовые сплетни. Слушая высказывания маршала, я пришла к выводу, что этот красавец не слишком умен и довольно добродушен.

Милорд сообщил, что возвращается в столицу уже завтра, огорчив этим свою невесту, с которой они так мало пообщались. После ужина Бренсон и граф Энистон уединились в кабинете, что бы обсудить предстоящую свадьбу, которая должна состояться через месяц, в столице, куда семейство графа прибудет за неделю до торжества. Затем маршал распрощался со всеми, и со мной тоже, при этом, незаметно для других, довольно сильно сжав мою руку.

Наедине с Миной он так и не остался, сославшись на то, что еще не был в своем замке, где накопилось много дел, требующих его вмешательства.

Утром я отправила Энни в город, что бы не помешала моим планам, велел купить лепешек; написала прощальную записку родным, объяснив, что отправляюсь в столицу, но не сообщив, с кем; достала из тайника мешочки с монетами, рассовала их по карманам, которые, загодя, пришила на изнанку подола платья, используя для этого полотно, предназначенное для вышивания, и двинулась в путь. Но мне захотелось, на прощание, увидеть матушку, которую я и обнаружила в кабинете, заметив ее в неплотно прикрытую дверь. Графиня сидела за столом, и казалось усталой и грустной. У меня возникла мысль – может, ну его, дворец? Почему бы не остаться в замке, и целых три года наслаждаться маминной любовью?

Графиня подняла голову, и глядя на кого-то, кого мне не было видно, произнесла:

– В столице нужно будет найти партию для Эль. И не откладывать со свадьбой. Она так ведет себя, думаю, от скуки.

– А как ты относишься к предложению Астахана?– произнес голос графа.

– Никак! – холодно ответила матушка – Возможно, он просто шутит. И потом, в степях распространено многоженство!

– Я спрашивал об этом у Его Величество! – произнес граф – Хан сказал, что у него будет только одна жена, и желает что бы ею была Эль. И, как ты помнишь, хочет он этого, чуть ли, не с детства. Что же касается наложниц...

Я не стала слушать дальше, отошла от кабинета и отправилась на конюшню, где сообщила конюху, что хочу покататься верхом.

Усевшись на смирную гнедую кобылку, я отправилась в поместье Бренсона.

Покидая, навсегда, приграничный замок, даже не оглянувшись, что бы попрощаться с его стенами – ничего хорошего я здесь не оставляла. Матушка? Да какая она матушка! В реальной жизни мы были бы ровесницами – графине было тридцать семь, как и мне. Так что, быть моей мамой она никак не могла. А отец мечтает выдать дочь за дикаря, обрекая на жизнь в степи, в грязном шатре, среди множества наложниц...

Глядя на поместье Бренсона от ворот приграничного замка, я думала, что оно недалеко. Но, так только казалось – дорога к поместью заняла не менее получаса.

Замок Бренсона был тоже был окружен стеной, со следами военных разрушений, так и не устраненными – в каменной кладке зияли дыры – из чего я сделала вывод, что маршал или совсем забросил поместье, или же, его финансовые дела не очень хороши, и на починку стены нет средств. Ворота поместья были распахнуты настежь, и я въехала на широкий мощный камнями двор, посередине которого стояла оседланная лошадь, а возле нее – Рауль, и двое престарелых слуг, которым хозяин давал, какие-то, указания.

Увидев меня, Бренсон застыл, как громом пораженный, слуги же не проявили особого интереса, только поклонились. Я остановилась, и сделала вид, что собираюсь слезть с кобылки, и, как я и предполагала, Рауль кинулся помочь. Я изобразила, что падаю – перед Бренсоном я не стеснялась быть неловкой и неуклюжей – рухнула ему на руки, скользнув по ним грудью, и прижалась телом к его мощной груди.

– Миледи Элейн! – воскликнул ошарашенный маршал, а я забормотала:

– Рауль! Я... Я люблю тебя! Люблю давно! И хочу уехать с тобой! И стать твоей женой!

Бренсон помолчал, поставил меня на ноги, и, продолжая держать за талию и смотреть изумленным взглядом в лицо, произнес:

– Эль! Я... не знаю что сказать... Польщен... Но... Жениться на тебе никак невозможно! Я дал слово вашему отцу, женится на Мине! И нарушить его не могу!

"Козел! – подумала я – Не можешь, потому что слово графу дал! А на чувства Мины, и ее разбитое сердце, тебе пофиг! Значит, я делаю все правильно, избавляя ее от несчастливого брака!"

И я обвила руками шею маршала, и впилась ему в губы долгим, страстным поцелуем.

Рауль был не против такого поворота, стал целовать меня в ответ, а его руки скользнули с моей талии на бедра.

Наконец, он отстранился, оглянувшись на слуг, которые отвернулись и рассматривали замок, тоже, кстати, выглядевший заброшенным и обветшалым.

Я приготовилась продолжать соблазнение милорда, однако, он произнес, хриплым от страсти голосом:

– До столицы два дня пути. Ты не сможешь столько провести в седле, практически, без остановок – отдых только на ночь!

– Выдержу! Я сильная, и выносливая! – воскликнула я, обрадованная, что Бренсон так быстро сдался, и умоляюще продолжила – Рауль! Я смогу!

– Найдите для миледи мужскую одежду! – крикнул маршал слугам.

Глава пятая

Императрица Франческа, менерийка, невысокая – как и все представители Менерии – хрупкая и изящная, словно фарфоровая статуэтка, быстро шла, сопровождаемая едва поспевающими за ней фрейлинами, по Присутственному залу, в котором толпились, в ожидании аудиенции правителя, многочисленные придворные. При появлении императрицы они склонились в поклоне, Франческа же не обращала ни на кого внимания – она была в ярости, и двигалась так быстро, что шлейф-накидка ее тонкого шелкового наряда колыхалась и реяла, как от порывов ветра. Казалось, даже блестящие локоны ее темных волос, подрагивающие, в такт шагам, излучали злобу.

Франческа не была красавицей – ее нос, с легкой горбинкой, казался великоватым, по сравнению с маленьким лицом с тонкими губами. Однако, она выглядела много моложе своих лет, и имела белоснежную гладкую кожу, кажущуюся атласной, без единого намека на морщины.

Франческа пронеслась по этому залу, миновала другой и третий – слуги едва успевали открывать перед ней двери – и влетела в покои императора Калвена, который стоял, с задумчивым видом, перед водруженным на подставку портретом девушки в диадеме.

– Так это правда! – воскликнула императрица, и, от гнева и быстрой ходьбы, возглас получился визгливым.

– О чем вы, моя дорогая? – насмешливо изогнул бровь император, мужчина лет за шестьдесят, с седыми прядками, мало заметными в светлых волосах, но белеющими серебристыми полосками в более темной бороде. Император был высок, богатырского телосложения, но с возрастом раздался в ширь и стал казаться меньше ростом.

Франческа взглянула на портрет девушки, и поморщилась – девица была похожа на покойную принцессу Бельрин, вспоминать о которой императрице было неприятно.

– Вы, Ваше Величество, – произнесла императрица – сообщили Распорядителю Двора, что сами собираетесь жениться на принцессе Орбине, предложенной в невесты вашему сыну!

– Ах, это! – поморщился монарх – Уже доложили!

Он помолчал и продолжил:

– Я рассматриваю возможность этого брака.

– Осмелюсь напомнить, – опять сорвалась на визг Франческа – вы женаты!

– Разведусь! – флегматично ответил Калвен.

– Я не позволю! Не позволю, так с собой обращаться! – крикнула императрица.

– Да кто вас спросит! – уже зло сказал монарх – Женщина, уличенная в измене, не может быть императрицей! Будьте благодарны, что вас не предадут суду, и не казнят!

Императрица постояла, топнула ногой, развернулась, выбежала из покоев мужа, уже почти бывшего, и придворным опять пришлось наблюдать стремительное передвижение императрицы по Присутственному залу. На этот раз, она покинула Главный дворец, и отправилась в Восточную часть дворцового комплекса, в покои наследного принца Эдвина.

Франческа нашла его во внутреннем дворе, где принц – высокий широкоплечий белокурый красавец, ровесник императрицы – оттачивал навыки фехтования.

Эдвин прервал свое занятие, и поклонился мачехе.

– Приветствую, Ваше Величество! – произнес он, и заметив, что императрица не в духе, вздохнул, ожидая неприятного разговора, и предполагая, о чем он будет.

– Ведомо ли Вам, – спросила Франческа – что император хочет развестись со мной, и жениться на Вашей невесте?

– Я слышал об этом! – сдержанно ответил принц.

– Слышали, и на этом все? Вы опять позволите, так обращаться, с Наследником Престола?

– Ваше величество! – ответил принц – Вам ли не знать, что отец меня не слушает? Успокойтесь, присядьте, Вы так быстро шли, что запыхалась!

Эдвин сделал знак, слуги придвинули Франческа легкое кресло, стоящее до этого с краю фехтовальной площадки, и императрица села.

– Давайте подумаем, – продолжил Наследник – как отговорить императора от такого шага.

– Он совсем из ума выжил! – произнесла менерийка вполголоса, слегка успокоившись, и дождавшись, когда слуги отойдут на почтительное расстояние.

– Скоро мы с отцом отправимся на охоту, – сказал принц – после чего, если она пройдет удачно, император будет в хорошем настроении, и как всегда, устроит праздник. Думаю, тогда я с ним и поговорю.

– Если охота будет удачной! – произнесла Франческа.

Они замолчали, принц сделал знак слугам, и они подали императрице бокал легкого вина, что бы она утолила жажду, наверняка испытываемую ею, после столь стремительного броска из императорского дворца, от которого, до покоев принца, было не меньше километра. Франческа пригубила вино, размышляя о предстоящей охоте – все в стране, даже дети последних рабов, не говоря уже о членах императорской семьи, знали, что настроение монарха, в большей степени, зависит от таких вещей, как охота, обед, или отношения с женщинами.

Но, императрица не возлагала на охоту особых надежд – она сомневалась, что принц выполнит свое обещание.

Путешествие в столицу оказалось мучительным – милорд Бренсон спешил во дворец, и мы ехали очень быстро, а тело Эль было для такой поездки слишком хрупким, да и лошадь не желала торопиться, чем злила Рауля. Добравшись до постоянного двора, я без сил упала на кровать, не представляя, как смогу продолжить путь.

Маршал позаботился об этом – утром мы отправились в дорогу в карете, а мою кобылку Рауль оставил на постоялом дворе, наказав перегнать ее в замок моего отца.

В карете я изображала, что мне плохо – впрочем, так оно и было, все тело болело – дабы избежать возможных приставаний маршала. Но, он был недоволен задержкой – карета двигалась медленнее, чем если бы он мчался верхом – и не разговорчив, не говоря уже о посягательствах на честь девушки. Милорду было не до меня.

Наконец, к вечеру следующего дня, карета въехала в городские ворота Кардуса – столицы империи. Я знала, как выглядит город, к тому же очень устала, поэтому особо Кардис не рассматривала. Карета прогремела по мощной камнем мостовой, и остановилась у двух-этажного белого особняка, расположенного на тихой улочке на окраине столицы. Бренсон объяснил что дом принадлежит ему, в нем никто, кроме слуг, не живет, и я могу остаться здесь.

Я наскоро поужинала – вполне нормальной едой, приняла ванну – в столице был водопровод, и легла спать, с наслаждением вытянув на шелковых простынях уставшие ноги. А маршал, даже не зайдя в дом, поспешил во дворец.

Императрица, в окружении фрейлин, которые, как обычно, сплетничали, ссорились и упражнялись в ядовитости, сидела в своих покоях. Дам она почти не слышала, занятая невеселыми мыслями, но машинально смеялась или удивлялась там, где это было положено – Франческа довела искусство слушать не слушая, но выцепляя из потока слов важное, до автоматизма.

Менерийцы, кроме невысокого роста и светлой кожи, отличались и некоторыми особенностями характера – они, в основном, были людьми хитрыми и расчетливыми, мастерами

интриг. Этим объясняется и длительная самостоятельность страны, и упорное неприсоединение ее к Империи – правители и дипломаты Минерии умели лавировать и договариваться.

Франческа, истинная дочь своего народа, пользовалась властью и своими способностями интриганки. Фактически, они с Калвеном правили вдвоем, зачастую занимая противоположные позиции по государственным вопросам. Иногда, Франческа побеждала, или договаривалась с мужем, а иногда и уступала – у императора было больше возможностей настоять на своем – но придворные с менерийкой считались, и ее опасались. Она была главной женщиной дворца, и не терпела конкуренток. Впрочем, конкурентка у Франчески появилась только раз, но победила императрицу сразу и безоговорочно. Это была, ныне покойная, жена наследного принца, принцесса Бельрим, дочь тогдашнего правителя Богундской империи.

Принцесса не была ни хитрой, ни умной – причина ее гибели, и предшествующие смерти события тому доказательство – но, до войны, Бельрим любили все – и народ, и двор, и даже, император. Да, Калвен открыто пытался добиться расположения жены сына... И вот теперь он решил жениться на ее сестре... И, избавится от Франчески.

Принц Эдвин, по складу характера спокойный и даже инфантильный, не мог конкурировать по влиянию с императорской четой, держался в стороне от государственных дел, и не спорил ни с отцом, ни мачехой. Единственное, от чего он постоянно и настойчиво отказывался – это новая женитьба. И такое поведение вызывало определенные слухи и пересуды, которые императрица поддерживала – в тайне от принца, что бы с ним не ссорится.

Наконец, ему предложили в невесты сестру покойной жены, и принц заинтересовался, хотя и не сильно. Но, опять вмешался отец... И, по всему выходило, что Эдвин снова не станет спорить. Значит, Франческе нужно предпринять, что-то, самой.

От этих размышлений ее отвлекла личная служанка, немолодая, и худая до костлявости менерийка, которая появилась в покоях, и, стоя возле двери, делала императрице знаки. Франческа сообщила дамам, что хочет отдохнуть, они откланялись и удалились, а в покои вошел маршал Бренсон.

– Рауль! – воскликнула Франческа – Что тебя так задержало?

– Я опоздал всего на три часа! – виновато сказал маршал – Простите, Ваше Величество!

Он взял руку Франчески, и хотел поцеловать, но, она руку отняла и воскликнула:

– Император хочет со мной развестись!

Бренсон застыл, затем произнес:

– Не понял... Чего хочет?

– Развестись! Что непонятного! Из-за того письма!

– А... – выдавил маршал. Он хотел спросить, но боялся услышать ответ.

– Кто был его автором – он пока не знает! – успокоила его Франческа – Пока!

Бренсон молчал.

– Ты во всем виноват! Как можно быть таким неосторожным! – продолжала Франческа, нервно шагая по комнате – Теперь оба пойдем ко дну!

– Это был ответ на Вашу записку! – возразил Бренсон— Кто же знал, что император станет проверять Вашу почту!

– Да, Калвен использовал перехваченное письмо, как повод! И неизвестно, сколько у него улик собрано, раз он задался целью избавиться от меня! Все потому, что он опять влюбился!

– В кого?

– В ту же самую!

– Как так? В мертвую женщину?

– Ее сестра, Орбина, вполне жива, и очень похожа на Бельрим!

Маршал, с удивлением, посмотрел на императрицу, а она продолжила :

– Поэтому, он хочет избавиться от меня, и жениться на ней! Утолить, наконец-то, свое вожделение!

Она протянула руку маршалу, он ее взял, и, скорее машинально, потому что был занят осмысливанием новостей, поднес к губам.

– Рауль, – произнесла Франческа с нежностью – я не хочу для тебя неприятностей!

Она опять отняла руку, и продолжила, с печалью в голосе:

– Ты должен, что-то придумать! Если он прогонит меня...

Она помолчала.

– ...то тебя уничтожит!

Франческа повернулась к маршалу, уткнулась ему в плечо, и заплакала.

Проснувшись утром, я обнаружила, что маршал прислал мне личную служанку, которую звали Кима – худую, плоскогрудую и косую, на оба глаза, женщину, лет сорока. Я подивилась такой непрезентабельной внешности своей новой горничной, но спорить не стала – приятно, что кто-то, пусть и такая страшилка, укладывает волосы и помогает одеваться. Вообще, приятно, когда есть слуги...

Кима оказалась весьма умелой и расторопной, и я осталась ею довольна. После утреннего туалета и завтрака я отправилась в город. Для удобства, и что бы не привлекать лишнего внимания, я оделась простолюдинкой, и не взяла с собой Киму, хотя та настойчиво предлагала пойти вместе, из чего напрашивался вывод, что служанка приставлена Бренсоном шпионить за своей госпожой.

Кардис отличался от других городов империи – он был прекрасен. Узкой, обычной для средних веков, была только центральная улица, с которой Кардис, когда-то, и начинался. А более новые районы располагались на широких светлых улицах, и дома на них были, хоть и каменные, но, разноцветные – розовые, желтые, голубоватые, изумрудные... Я, рассматривая город из своей реальности, гадала – из каких минералов построены эти здания? Оказавшись на улице, я потрогала пальцем стену одного из домов, и ничего странного в ней не обнаружила – камень как камень, холодный и шероховатый.

Вначале, я прошла по тихой центральной улице, дома на которой были хоть и древними, но, по виду, крепкими и жилыми. Улица вела на Старую площадь, где моим глазам предстало неприятное зрелище – посередине располагался эшафот, а по периметру стояли клетки с преступниками, на каждой из которой висела деревянная табличка, с именем и злодеянием человека, сидящего за решеткой.

Совсем рядом со мной оказалась клетка с рыжей, лохматой и грязной девушкой, которая, забившись в угол, зыркала по сторонам испуганным, и, одновременно, злобным взглядом. На табличке было указано, что сия рабыня пыталась убить своего хозяина, за что приговорена к смертной казни. Но, любой желающий может ее выкупить, за довольно большую сумму. Девушка напоминала затравленную лису, вернее, лисенка – она была совсем молоденькой, маленькой и страшно худой – и мне стало ее мучительно жалко. Я постояла у клетки, поколебалась, и, вытащив из кармана мешочек с монетами, подошла к человеку, с важным видом прохаживающемуся между клеток. Отдав чиновнику деньги, я показала на рыжую рабыню, дождалась, пока ту отпустят, и торопливо ушла, провожаемая воплями и плачем других преступников, умоляющих спасти и их.

Я поспешила в новую часть столицы, к императорскому дворцу. Шла, и злилась на себя, на несвоевременную и ненужную жалость, нахлынувшую на меня на площади, жалость к персонажу игры, заставившую распрощаться с частью так нужных мне денег.

Я перешла широкий мост, соединяющий берега реки, название которой не помнила, оказалось на Дворцовой площади, и, пройдя еще немного, остановилась у дворцовых ворот, возле которых застыли в карауле стражники.

Стража императорского дворца поразила меня – я сначала не поняла, что это военные. У ворот стояли высокие красивые девушки, в белоснежных облегающих фигуру мундирах, и

даже их сапоги были белыми. Подивившись причуде создателя игры – а кто еще мог придумать такую охрану – я обратилась к девицам:

– Мне нужно передать для Ее Величества, королевы Франчески Менерийской, послание от миледи Гвен Венсан!

Стражницы никак не отреагировали, продолжая стоять неподвижно, как большие красивые куклы.

Я повторила свою просьбу еще раз, прибавив, что послание очень важное. Опять, безрезультатно.

Я растерялась, не зная, что делать.

"Наверно, надо подождать, пока кто-нибудь из придворных выйдет из дворца. Или захочет войти. И попросить передать письмо!"

Но, ждать не пришлось : из ворот вышла еще одна белоформенная девица, с эполетами – видимо, офицер – и, вопросительно, посмотрела на меня.

Я повторила свою просьбу, и отдала офицерше послание Гвен.

– Леди Гвен – добавила я – нужен ответ! Мне подождать?

Девушка-командир посмотрела насмешливо – "ну и деревня!", но ответила вежливо, хотя и важно.

– Ее Величество очень занята! Когда она соизволит прочесть послание – нам не ведомо. Сообщите, где вас можно найти, и, если ответ от императрицы будет – его вам доставят.

Я сказала адрес дома, в котором сейчас жила, важная девица кивнула и скрылась за дворцовыми воротами, а я отправилась обратно. По пути я заглядывала в лавки, попадающиеся на пути, и поражалась изобилию товаров в них продающихся, будь то продукты, или предметы роскоши и одежда – казалось, в Кардис свезено все, что только есть в этом мире, и имеющее, хоть какую-то, ценность. В маленьком ювелирном магазинчике я задержалась, и купила, поторговавшись до хрипоты, жемчужное ожерелье – не смогла победить соблазн.

Заглянула я и на Новую площадь, где располагался многолюдный, шумный и богатый рынок, и, побродив по нему, почувствовала усталость, и потащила в свою временную обитель .

По пути мне попала еще одна площадь, возле храма – стройного готического здания. Я не знала, какая в Империи религия, хотя храмы видела из своего мира – их было немного, и только в больших городах.

Я вошла в помещение, освещенное свечами, и взглядела в полумрак. В то, что предстало перед взором, вначале не поверила, но присмотревшись, убедилась – на каменной стене храма, покрытой штукатуркой, красовалась фреска с изображен Макса, в одежде и образе этого мира, с букетом цветов в руках, а немногочисленные прихожане, стоя на коленях или кланяясь, молились именно ему. Я усмехнулась и покинула церковь – чествовать своего бывшего я не желала, хотя и понимала закономерность такой религии – именно Макс создал этот мир, значит, он и был здесь богом. Но, это было так смешно – возвеличивание себя до божества – что я хихикала до самого дома, представляя, как запозорю Макса, вернувшись в свое время.

В белом особняке ждал чудесный обед – прозрачный суп из морепродуктов и запеченный кролик с травами.

После трапезы я направилась в библиотеку, где выбрала себе книгу, и, поднявшись в спальню, легла на кровать и принялась за чтение. Я почти не вникала в сюжет – отвлекали мысли, почему Бренсон не навещает невесту? Видимо, милорд занят маршалскими обязанностями. Еще больше меня занимало, что написано в письме, которое передала императрице, будет ли от нее ответ, или меня арестуют, как мошенницу, подделывающую финансовые бумаги?

Рауль пришел вечером, когда я уже отложила книгу, и почти задремала.

– Элейн! – воскликнул маршал – Прости, что бросил тебя одну, так надолго! Государственные дела!

Бренсон взял мою руку, поцеловал и, не выпуская ее, сел, вернее, плюхнулся, на кровать. Именно плюхнулся – он был пьян.

– Рауль! – сказала я – Давай спустимся вниз! Тебе нельзя находиться в мой спальне, тем более, так поздно!

И я взглянула на окно, за которым было видно сумеречное небо – солнце уже почти совсем село. Мне было все равно на приличия, но не хотелось терпеть пьяные признания и приставания.

– Нельзя? – повторил Бренсон – Но, это мой дом! А ты моя невеста!

И он, с жаром, продолжил покрывать мои руки страстными поцелуями, двигаясь все выше, и его губы добрались сначала до плеча, а затем и до шеи. Я оттолкнула Бренсона, и воскликнула:

– Рауль! Прекрати! Ты пьян! – и попыталась встать, но маршал толкнул меня обратно в постель и встал.

– Ты моя невеста! Зачем откладывать то, что будет после свадьбы? – говорил он, раздеваясь.

Бренсон скинул камзол, тонкую рубашку с кружевами, и принялся снимать штаны. Я опять попыталась вскочить, но маршал бросился на меня, и прижал к постели своим мощным и горячим телом.

Глава шестая

Я билась и брыкалась, но маршал был тяжелым и сильным, а Эль— слабенькой, и скинуть Бренсона не получалось. Тогда я принялась лупить его по лицу, чем милорда только разозлила. Он схватил меня за руки, соединил их вместе, и держал одной рукой.

– Я не смогу на тебе жениться! – произнес Бренсон – Я графу Энистону слово дал, заключить брак с Миной, и нарушить его не могу. Но, мы и так сможем быть вместе, и любить друг друга!

– Что? – воскликнула я в ярости – Быть твоей любовницей? Совсем сбрендил!

Бряд ли маршал знал значение слова "сбрендил", но смысл моих воплей до него дошел.

– Не возмущайся! – пьяно возразил он – Ты будешь жить в любви и роскоши, и блистать при дворе!

Он взгляделся в мое лицо и восхищенно- вожделенно продолжил:

– Ты такая красивая!

Мне удалось освободить одну руку, и вцепиться ногтями в его щеку.

Маршал отшатнулся, привстал, я этим воспользовалась и попыталась вскочить, но Бренсон опять набросился на меня, и прижал к кровати.

– Не строй из себя недотрогу! – зло рявкнул он – Ты меня соблазняла! И врала, что влюблена ! Раньше внимания не обращала, и вдруг полюбила! Тебе просто хочется оказаться при дворе! И я это устроил – императрица примет тебя, и сделает фрейлиной! Но, за это я рассчитываю на благодарность!

И он раздвинул своим телом мои ноги, при этом, не позволяя даже пошевелиться. Одной рукой он опять держал мои руки, сжав их вместе в районе запястий, и вытянув над моей головой, второй тискал моя грудь, сдвинув ворот ночнушки.

Я закричала, что есть мочи, и попыталась сопротивляться, и даже кусаться, но маршал игнорировал мои попытки, намереваясь добиться своего.

– Милорд, что вы делаете?!

Услышав голос Кимы Бренсон замер, а я завопила еще громче и отчаяннее.

– Уйди! – рявкнул на служанку маршал, но она не послушалась.

– Милорд! – повторила она – Я отправила лакея за стражниками! Оставьте в покое миледи, если не желаете скандала!

Бренсон отпустил меня, и встал. Кима спокойно смотрела на него, совершенно обнаженного, и с поцарапанным лицом, он же глядел на служанку с яростью. А я вскочила, и озиралась, в поисках чего-нибудь, что можно использовать для защиты.

– Не хорошо,– продолжала Кима, как ни в чем не бывало – если стража застанет маршала империи, в таком виде! А если доложат во дворец?

Бренсон схватил с пола свою одежду, и пошел к двери. Кима отодвинулась, дабы не загроживать выход, но маршал, все равно, сильно толкнул ее, и служанка упала. Милорд вышел, а я бросилась к своей спасительнице, и помогла ей встать.

– Кима! – воскликнула я – Сильно ушиблась?

– Со мной все нормально! А вот вы пострадали! – ответила служанка, показывая на синяки на моих запястьях – Присядьте! Я схожу за мазью!

– Не надо! – возразила я – Мне не больно, синяки сами пройдут! Нужно поскорее уйти отсюда!

– Не бойтесь, милорд сегодня не вернется! – успокоила меня Кима – Вам необходимо полечится!

Она помогла мне сесть на кровать, и ушла за мазью. Пока служанки не было, я обнаружила, что и ноги в синяках, но решила ничего не говорить Киме – было неловко.

Шок стал понемногу проходить.

"Как я ошибалась! – думалось мне – Считала Бренсона добродушным простачком! А он просто кобель! Наглый и циничный!"

Я понимала, что, отчасти, виновата в случившемся сама – я действительно соблазнила маршала, думая, что контролирую ситуацию. Да и милорд мне, раньше, даже нравился. Но распорядиться чужим телом и чужой девственностью я не могла. Другое дело, обеспечить Эль будущее, которого она достойна – выйдя замуж за маршала, и устроившись при дворе. Но, стать его любовницей— нет!

Теперь я Бренсона ненавидела. А он, видимо, меня. У Эль появился могущественный враг...

Кима решила уйти вместе со своей госпожой, и объяснила, что не служит маршалу – он просто нанял ее, встретив на улице – женщина искала работу. Также, Кима сообщила, что в столицу прибыла недавно, и ей тоже, как и мне, некуда пойти.

Мы бродили по ночным улицам Кардиса, пытаясь найти подходящий для миледи постоянный двор. Мне пришлось одеть свое богатое платье – было жалко его бросать, да и пришить потайные карманы для денег к другой одежде я не успела бы. Поэтому и заведение должно быть приличным, для знатных господ – иначе нас ограбят, или примут за скрывающихся преступниц, и могут вызвать стражу. А стражники, после разбирательства, отправят меня к родителям.

В заведениях попроще или не было мест, или в них пировали пьяные офицеры и другие знатные господа – от которых двум одиноким девушкам лучше держатся подальше, а те, что были похуже, казались опасными и грязными, и в них тоже бухали те, кто ниже рангом, и кого женщинам, тем более, следовало избегать.

Наконец, мы казались на окраине города, возле небольшого, и выглядевшего вполне пристойным, постоянного двора, называвшегося "Голова Оленя" .

Внутри также было довольно мило – чисто и тихо, а на стене, действительно, висело чучело головы оленя, с ветвистыми рогами. Однако, эта тишина показалась Киме подозрительной – если люди избегают постоянного двора, бывший еще и питейным заведением – что-то в нем не так. Но, я не обратила на предостережения служанки внимания и заплатила хозяину за трое суток. Затем мы поднялись в номер, заперли дверь, и сразу легли спать – я на единственной кровати, Кима на полу, наотрез отказавшись спать с госпожой, и даже удивившись такому предложению – это было неприятно.

Я уснула мгновенно, и мне приснился Макс, который, в белоснежных одеяниях бога, гонялся за мной по улицам столицы, размахивая веником..

Проснувшись я от шума, и, открыв глаза, увидела Киму, сопротивляющуюся, возле распахнутой входной двери, огромной темной фигуре.

Я закричала, зовя на помощь, но из темноты выскочила другая фигура, помельче, чем-то стукнула мне по голове, и я потеряла сознание.

Когда очнулась, то почувствовала, что по мне шарят небольшие проворные руки. Приоткрыв глаза, я обнаружила, что лежу на полу, обыскиваемая темной фигурой поменьше, а более рослый разбойник роется в кровати.

– Нашла! – тихо сказала мелкая женским голосом – Все тут, под платьем! Посвети мне!

Большой отошел от кровати, посуетился, и в его руке зажглась свеча, которую он поднес ко мне.

Когда свет упал, одновременно, на мое лицо и разбойницы, мы друг друга узнали. Обыскивала меня рыжая, спасенная мною, рабыня со Старой площади.

– Ого, сколько! – стараясь говорить тихо, прогудел великан, увидев деньги.

Я зажмурила веки, притворяясь, что все еще в обмороке. Рыжая быстро сорвала с платья мешочки, и поднялась. Сквозь ресницы я увидела, как в руке великана блеснул нож, но даже не успела испугаться – рыжая остановила его руку.

– Пусть живет! – тихо, но приказным тоном, сказала девушка.

– Она тебя видела! – произнес второй разбойник.

– Нет! – возразила девчонка – Леди в обмороке!

– А когда ты ее кастетом вдарила, она и тогда не рассмотрела? – продолжал спорить великан.

– Что увидишь в темноте? – возразила рыжая, и задула свечу – Ты как дурень! Не надо брать лишний грех на душу!

И разбойники, продолжая тихонько пререкаться пошли к двери, возле которой появился еще человек.

– Есть чего? – спросил он, и я узнала голос – это был хозяин постоянного двора.

– Совсем мало! – быстро ответила девчонка.

Троица удалилась, а я продолжала лежать, замерев, и прислушиваясь – и не зря. Бандитка вернулась, бросила мне на грудь несколько монет, тихо сказала:

– Возьмите комнату в другом месте! – и опять ушла, на этот раз, окончательно.

Я так и лежала, оцепенев от страха, хотя в голове как набат, как колокол, билась мысль – бежать! Наконец, я, трясаясь от ужаса, смогла сесть. И вдруг вспомнила – Кима!

В узкое окошко уже пробиралось утро, и его света хватило, что бы увидеть служанку, лежащую на полу возле двери.

– Кима! – прошептала я, и, на коленях, подползла к женщине. Возле ее тела я почувствовала липкую скользкую влагу, и поняла – это кровь.

– Кима! – повторила я, дотронулась до служанки, и вскрикнув, отшатнулась – у женщины было перерезано горло.

Вскочив, я кинулась к окну – ночью, заняв этот номер, я даже выходила на балкон, что бы узнать, можно ли через него сбежать, что бы успокоить бедняжку Киму, опасавшуюся подвоха. Как оказалось, служанка была права.

Я осторожно, стараясь не шуметь, открыла окно, и прохладный ветер, ворвавшийся в комнату, слегка отрезвил и успокоил – насколько это возможно.

Вернулась к кровати, и, стараясь не смотреть на Киму, собрала, ощупью, с пола монеты, брошенные разбойницей. Когда вернулась к окну, то услышала с первого этажа шум – топот нескольких ног, и голос хозяина, причитающего, что одна из его постоялиц зарезала свою служанку. Несомненно, подлый хозяин позвал стражу, и собирался повесить смерть Кимы на Эль.

Я шагнула на узкий балкончик, перелезла через невысокие перила, и спрыгнула на крышу притулившегося под балконом сарая. Я умела прыгать, тело Эль на этот раз не подвело, а крыша оказалась крепкой – я приземлилась удачно, и быстро спустившись в запущенный, заросшей холодной от росы травой сад, пробежала по нему, перелезла через невысокий забор, и оказавшись на городской улице, бросилась бежать прочь от постоянного двора.

Сначала я неслась, что есть сил, без всякой цели, пока не стала задыхаться от быстрого движения. перейдя на шаг, я заметила, что платье и руки покрыты пятнами крови, а на дороге стали появляться первые прохожие. Завидев одного в конце улицы, я свернула в переулок, и, пытаясь понять, в какой стороне река, направилась в туда, где должна быть вода.

Я не ошиблась, и довольно скоро спустилась по заросшему кустами берегу к реке, сняла платье, и отстирала кровь, насколько было возможно. Теперь одежда стала выглядеть просто грязной.

Больше всего промучилась с туфлями – кровь впиталась в их светлую кожу. Затем, умыла лицо и руки, расчесала, пальцами, спутанные волосы, стараясь не касаться огромной болезненной шишки на затылке, и, оторвав от платья бант, распустила его и завязала получившийся лентой волосы – просто в хвост, ибо делать сложные прически этого времени я не умела, да и не смогла бы, без помощи служанки.

Закончив приводить себя в порядок, я пошла искать постоянный двор, и решила остаться в первом попавшемся, благо клиентов там было достаточно – правда, ночные гуляки уже разбредались, но постояльцев было много, о чем и сообщил хозяин, заявив, что свободна только одна комната, возле кухни, где очень шумно, да и запахи, опять же. Но, мне было все равно, и я согласилась, даже не возразив, что содрали втридорога.

В номере я сразу упала на кровать. Нервное напряжение отступило, на смену ему пришла апатия и сонливость. О Киме я старалась не думать. В моем засыпающем мозгу вяло плескалась мысль – служанка не была человеком, а просто, микросхемой.

Императрица нервно ходила по покоям, прислушиваясь ко звукам дворца. Придворных дам она отослала – сегодня притворятся спокойной менерийке было сложно.

Наконец, в потайную дверь покоев поскреблись, Франческа откинула гобелен, ее скрывавший, и впустила фрейлину, которая была бледной и взволнованной.

– Что? – тихо спросила ее Франческа.

– Все! – ответила шепотом дама.

– Умер? – тоже прошептала императрица.

Фрейлина неуверенно кивнула, достала из кармана пузырек и протянула Франчески. Та его забрала, засунула в карман, и спросила, сердито нахмурившись :

– Ты не знаешь точно?

– Знаю! Умер! Сомнений нет – я проверила! Но, Ваше Величество... – продолжила дама и замялась.

– Тебя кто-то видел? – спросила менерийка.

– Нет! – отрицательно замахала головой дама – Принц вернулся!

– И?

– Тоже выпил вина... и тоже... скончался...

Франческа ахнула, и застыла.

– Принц же покинул Летний дворец, и отбыл в свои покои! – прошептала она – Мне доложили!

– Он вернулся! Что бы поговорить с Его Величеством – по вашей просьбе... О разводе! Не могла же я все отменить, сказать – не пейте вино, оно отравлено!

– Ты дура! – процедила Франческа, велела – Будь здесь! – и вышла.

Она, стараясь не спешить, и не показывать волнения, прошла в Главный дворец, где ей сообщили, что Его Величество празднует в Летнем дворце удачную охоту. Франческа ответила, что императора не ищет, а идет в кабинет, забрать нужные документы.

Вместе с ней зайти в кабинет императора слуги не решились – менерийку боялись, и старались лишней раз не злить. К тому же, приходы Франчески в отсутствие императора не были редкостью – все знали, что она вмешивается в государственные дела, а Калвену на это все равно – бумаги, которые он хотел бы скрыть от жены, правитель хранил в сейфе, который мог открыть только сам. Франческа пробыла в комнате несколько минут, и быстро ушла. Возвращаясь в свои покои, императрица встретила маршала, который к ней и шел.

Менерийка, на секунду, остановилась, затем, сменила направление и вошла в оранжерею. Бренсон последовал за ней.

– Свершилось! – быстро сказала Франческа маршалу, когда он закрыл за собой дверь.

– Это точно? – спросил милорд хриплым, от волнения, голосом – Тишина везде!

– Еще не нашли! – ответила Франческа – Император не любит...не любил, когда его беспокоят в Летнем дворце. Могут и до вечера не потревожить!

– Надо кого-то послать. Не ждать же до вечера! Изведетесь, от волнения! А эта дама...? Его любовница, разливавшая вино...?

– Ждет в моих покоях!

– Я позабочусь о ней! – сказал Бренсон.
Императрица кивнула, и озабоченно добавила :
– Случилась ужасная вещь!
– Она проболталась? – нахмурился маршал.
– Нет! Дело в том... Эдвин был с императором...
Франческа помолчала и продолжила, полушепотом:
– Он тоже умер!
Бренсон уставился на императрицу.
– Черт! – непочтительно воскликнул он – Как вы это допустили?!
– А не нужно было, милорд, прятаться, как крыса! – прошипела императрица – Сам бы проследил за всем! А то явился, когда все закончилось!
Бренсон разозлился, но сдержался, только сокрушенно покачал головой.
– Боже! – горестно произнес он. Похоже, смерть принца была для маршала ударом.
– Возьми себя в руки! – воскликнула Франческа – некогда горевать! Наши судьбы и наши жизни в наших руках! Я обо всем позаботилась!
Франческа достала из рукава смятую бумагу и протянула Бренсону.
– Вот! Завещание! Калвен думал, я не смогу открыть сейф! Старый дурень!
Маршал взял лист и пробежал его глазами.
– Завещание надо уничтожить! – произнесла менерийка.
Бренсон вздохнул, и, похоже, успокоился. Или сделал вид.
– Несомненно.! Уничтожить надо! Но, и без этой бумаги Астахан, как старший сын почившего принца, наследует трон!
Он помолчал, и мрачно добавил:
– Тогда вы погибли!
– Я подумала об этом! – произнесла Франческа – Мы напишем новое завещание! Подделку! Что Калвен оставил Империю Даниэлю! Если не Эдвин – тогда его второй сын, Даниэль! Только не первый! Не Аста!
– Это невозможно! – возразил маршал – У нас нет таких умельцев!
– Думаю, есть! – произнесла менерийка – Ты должен привести ко мне эту девицу, сестру твоей невесты! Кстати, почему миледи... – Франческа нахмурилась, вспоминая – ...Элейн еще не представлена мне?
– Болеет! – ответил маршал, отводя глаза – Плохо перенесла дорогу!
– Приведи девушку, даже если она при смерти! Надеюсь, все что о ней говорил ты, и писала леди Гвен – правда. Отправляйся немедленно!
Маршал не тронулся с места.
– Ах да! – поморщилась Франческа – Сначала разберись с отравительницей!
– Разберусь! – произнес, помедлив Бренсон – Я думаю... сложно представить, какая поднимется смута! Смерть императора можно было списать на несчастный случай... Но и принц...
– Вот и думай, что делать, и что говорить! Когда все обнаружится – немедленно займись расследованием! – ответила императрица, и вышла из оранжереи. Маршал, чуть погодя, последовал за ней.

Я провела в кровати весь день, но чувствовала себя разбитой. Только задремывала – снилась мертвая Мина, или разбойники, которые гонялись за мной по городу, и сон прерывался. К тому же, шишка на голове болела и саднила.

Наконец, уже вечером я спустилась вниз, что бы купить вина – подумала, что алкоголь поможет забыться и уснуть.

Первый этаж, представляющий собой питейное заведение, гудел как растревоженный улей. Я остановилась на лестнице, услышав, что обсуждают собравшиеся, многие из которых уже были в подпитии.

– Император умер!

– И Наследный Принц!

– Убили... Отравили...

– Отравительница – любовница Калвена – повесилась!

"Господи! – подумала я – Что творится!"

Я все же спустилась, не отказавшись от идеи выпить, не только за упокой души императора и наследного принца —именно за это пили присутствующие – но и за упокоение Мины.

– Что теперь будет? – причитал хозяин постоянного двора – Объявят траур, придется закрыться на несколько дней. Такие убытки!

– Мы станем богундцами! – гудел здоровяк, стоящий перед барной стойкой —Новым императором будет Аста, богундский хан! Он же теперь, наследный принц! Наши страны объединятся, и всех угонят в степь!

У стойки возник спор, относительно судьбы империи, который я уже не слушала, увидев прикрепленную на входную дверь бумагу со своим портретом, и надписью— "Разыскивается!" Я подивилась, как хорошо меня запомнил хозяин прежнего постоянного двора – то бишь, разбойничьего притона – и как похоже и быстро меня нарисовали. Не сомневалась, что меня ищут в связи с обвинением в смерти Кимы, и двинулась к выходу, надеясь что собравшиеся, обсуждающие горестные и волнующие новости, меня не заметят. Но, пришлось смешаться с выпивохами, и даже спрятаться за спину одного из них – с улицы вошли трое стражников, оглядели собравшихся, и подойдя к хозяину, потребовали показать им все комнаты, и всех жильцов – они разыскивали девицу, чей портрет висел на двери. Воспользовавшись тем, что стражники поднялись на второй этаж, некоторые из собравшихся, потихоньку, утекли на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.